

СОВРЕМЕННУЮ театральную ситуацию можно было бы, мне кажется, охарактеризовать словами: время движется, а проблемы остаются. Причем некоторые из них уже насчитывают десятки лет жизни. Они чуть постарели, седина появилась, но все-таки же живучи и наводят на мысль о Кашее Бессмертной.

По итогам прошедшего сезона обеспокоенными критиками было написано несколько статей. Действительно, прошедший сезон оставил ощущение, что наши драматурги как-то вдруг разом перестали писать пьесы. Хотя мы знаем, что это не так. Опять появились статьи о нескладывающихся судьбах молодых артистов, о простаивающих режиссерах и т. д., и т. п. Удивительная повторяемость одних и тех же тем критических статей подтверждает мысль о том, что все еще не находят положительного решения важнейшие проблемы театрального дела.

Наверное, так было всегда — упреки в том, что мало масштабных, отвечающих главным запросам времени пьес, что очень редки спектакли-потрясения, в основе которых лежат такие пьесы.

Пьеса, а следом за ней и спектакль должны потрясать, заставлять задуматься, должны говорить нечто «новое» о сегодняшнем мире. Иначе мы будем топтаться вокруг «азбучных истин». Мне кажется важным умение драматурга видеть за нравственной коллизией, за перипетиями столкновений героя с тем, что ему противостоит, социальную базу, реальную повседневность...

«Противоречия, — говорил в своей речи на юбилейном пленуме правления Союза писателей СССР К. У. Черненко, — естественны и неизбежны в процессе развития социалистического общества. И, конечно же, они всегда так или иначе влияют на судьбы людей, становятся источником нравственных коллизий». Вот эти-то нравственные коллизии и интересуют в первую очередь драматурга, потому что в них всегда — зерно конфликта.

Даже самый хороший врач не в состоянии вылечить больного, если он не поставил верного диагноза. Так и в обществе: невозможно плодотворно бороться с тем или иным негативным явлением, пока оно (это явление) не названо громко, отчетливо, во весь голос. А как только это явление названо отчетливо, миллионы и миллионы честных людей в нашей стране начинают себя чувствовать «сопричастными» и этой борьбе, еще больше начинают осознавать свою ответственность за моральный климат окружающей жизни. Так и в театре: отсутствие серьезных проблем на сцене обесмысливает роль театра, делает театр социально пассивным. Ходит по сцене что-то такое благополучное, бормочет невнятно... Или, что еще хуже: псевдомужественные герои сыплют, как из рога изобилия, громкие слова, а на поверку — спекулятивность, художественная несостоятельность. Странно бывает видеть, как ту или иную пьесу рекомендуют ставить театрам, ссылаясь на «важность темы». Но истина в этом случае, мне думается, проста: «Раз малохудожественно — значит плохо». А все осталь-

ные разговоры — от лукавого.

Самая важная, извечная тема драматургии — это человек, его формирование, становление. А действие может происходить как и на бескрайних просторах, «стройках», так и в других обстоятельствах. Значимость пьесы часто никак не связана с масштабом описываемых событий. Бывает, события описываются грандиозные, а пьеса получается мелкая... Ну, «мелкотемье», да и только. А бывает и наоборот...

Настоящие пьесы всегда о живом, реальном человеке. Спектакль о таком человеке — как хороший, мудрый собеседник... Когда же на сцене «придуманные» герои, которых никто никогда в жизни в глаза не видел, зрители, мне кажется, как-то сразу внутренне отключаются и смотрят смотря, но говорят: «Это как в театре»... И душа в это время спит... Диалога с ней никто не ведет. Какое уж тут потрясение!

И ЕЩЕ проблема, тоже из первостепенных, — о новом, молодом режиссерском поколении. Очень не просто, мне кажется, обстоит с ним дело. Ведь подумай только: уже на протяжении двух десятков лет мы все, говоря о ведущих режиссерах, называем практически одни и те же пять-шесть фамилий. Они начинали в 50-е—60-е годы, и при всей разности стилей и характеров составляют одно поколение. О тех, кому сейчас около сорока или даже чуть больше, — этого не скажешь. (О режиссерах 25—30 лет и слыхом не слышали).

Среди «недавних молодых» есть замечательно ода-

ренные люди. О них пишут. На некоторые их спектакли невозможно попасть. И все же... Вот парадокс: они как бы никому и не нужны. Переходят из театра в театр, работают то с одними артистами, то с другими, бурно возникают, надолго пропадают. Проходят годы, но «интересные молодые» редко становятся у руля театрального дела, живут как бы чуть в стороне... Их ли тут вина? Думаю, что нет. В последние годы стало ясно, что не случайно так трудно складывается становление новых режиссерских имен. Выпускнику института, как правило, очень сложно получить постановку, например, в одном из московских или ленинградских драматических театров. (Я говорю здесь в основном о наших театральных центрах, так как вопрос театров небольших городов — очень серьезный, требующий отдельной статьи). Почему так все сложно? Дело отчасти в том, что многим талантливым главным режиссерам в общем-то не нужны другие режиссеры в театре. (Помощники нужны). И все призывы «Подумайте о завтрашнем дне театра!» наивны. Человек, может быть, годы и годы создавал свой театр. Воспитывал артистов. И не хочет все это никому дарить...

Другая ситуация — главный режиссер не очень талантлив. Ему тем более не нужны режиссеры-личности в театре. Ведь сделай такой режиссер 2—3 постановки, и все задумаются, почему главный ты, а не он. Нет, упаси бог! Лучше отдать должности «очередных» тем, кто «звезд с неба не хватает». Зато жить спокойно. Если главный ставит «так себе», а

очередные просто «плохо», то, значит, все в порядке. Главное — фон создать. Ведь все познается в сравнении. Не потому ли в наших театральных центрах есть в театрах «очередные» режиссеры, фамилии которых ничего не скажут даже самому искушенному театралу. Чудеса, право слово. Можно, оказывается, числиться годами на режиссерской ставке, ставить время от времени невнятные и никому не нужные спектакли — и ничего. Более того, можно, оказывается, годами руководить театром, практически «заваливать» одну премьеру за другой, и тоже ничего. Ведь кто докажет, что плохо: «Тебе не нравится», а другим нравится... А в это время, может быть, юные Вахтангов или Мейерхольд тщетно стучатся в двери театров. Но если их вдруг и пустят, то начнут тысячи «но», начиная с того, что могут и хорошие пьесы не дать ставить, и артистов таких предложат, что и репетиции незачем начинать — заранее все ясно. И как же в такой ситуации проявиться? Заявить о себе?

А сколько конфликтов по причине «творческой несовместимости». Приглашенный «молодой» может поставить интересный спектакль, но он будет не в «стиле» главного... Да и артисты привыкли к другой «методе» работы. А пока репетиции идут, иной «главный» только и ждет, чтобы при малейшей оплошности «молодого» лишний раз доказать труппе свое превосходство... К чему я это все говорю? А к тому, что все призывы «заботиться», «воспитывать», «помогать» бессмысленны, пока все останется, как есть. Одни «главные»

не виноваты, потому что талантливы, другие — потому что не очень талантливы. И тут уж ничего не поделаешь. Видимо, эта сторона организации творческого процесса в театре нуждается в дополнениях и изменениях. Конечно, некоторые наши «ведущие» постоянно и активно помогают молодежи... Но это скорее исключения. Правилom это не стало.

Можно только догадываться, как подобная атмосфера толкает молодого режиссера на компромиссы уже в самом начале его творческого пути. Как получить постановку? Часто все зависит от умения «сыграть» преданность... «Мэтры» понимают иногда, что с ними лукавят. Но все равно — приятно... Один из выходов из сложившейся ситуации мне видится в том, чтобы молодые поколения театральных деятелей не попадали в полной зависимости от «главных», «ведущих», «имеющих положение»... Чтобы их судьбы не определялись тем, как кто на кого посмотрел, кому ты приглянулся, кому нет. Талант ведь часто колюч и неприветлив. Он проявляется и в том, сказано им новое или нет. А это «новое» можно и не заметить, особенно если не захотеть заметить... Нужны такие организационные формы, которые бы позволяли молодому режиссеру заводить «самостоятельное дело». Пускай на один спектакль. Пускай на два-три месяца. Пускай — провал. А вдруг успех? А вдруг рождение «нового»?

Конечно, сразу возникает вопрос: «Как это — «самостоятельное дело»?». А это значит, создать условия, чтобы молодой талант получил

возможность максимально проявиться. Ведь интереснее же, что молодой режиссер может сделать сам. Одина. Конечно, тут будет много ошибок, провалов. Но зато, уверен, и рождений. Естественно, что условия эти могут создаваться и при существующих театрах. Но это уже будут не просто малые сцены, а нечто иное. Ведь не секрет, что иногда руководство театров боится рисковать не только на «большой», но и на малой сцене. Все равно, мол, это лицо театра, не можем мы к себе пускать всех и каждого. Должны быть, условно говоря, при театрах «сцены риска» — специально для подготовки спектаклей молодых, причем актеры могли бы быть как из данного театра, так и приглашенные. А руководство театра осуществляло бы только общий контроль. Нечто подобное затевается сейчас в Театре им. Ленинского комсомола.

Я не говорю ни в коем случае о создании тепличных условий. Режиссура, мне кажется, это профессия в основном для людей мужественных, умеющих преодолевать трудности... Да вот только трудности бывают разные. Иногда они порождены явным несовершенством организационных форм. Сейчас положение молодого режиссера часто можно сравнить с положением художника, который бы ходил к «маститым» просить холст и краски, а ему бы отвечали: «Нет. Не дадим. Самим нужно»...

Когда-то в конце прошлого века К. С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко мечтали о создании «общедоступного театра». Свою мечту они осуществили. Сейчас в нашей стране все театры

общедоступны для зрителей. Но, может быть, настало время подумать о том, чтобы они стали более «общедоступными» и для талантливых молодых режиссеров?

Я ЗАТРОНУЛ лишь две проблемы — драматургии и режиссуры. От их решения зависит очень многое. Но не менее остро стоят и другие проблемы. До каких пор, скажем, наше телевидение будет обходить стороной интереснейшие постановки, сделанные в разных концах нашей страны?

Из-за этого многочисленные любители театра по телевизионным передачам не могут составить более или менее полное представление о театральной жизни страны. Мало на ТВ спектаклей грузинских, армянских, литовских, латышских театров... Театральная жизнь бурлит. Но нам не дано этого увидеть.

И еще — почему театры приезжают в Москву на гастроль в основном с отчетами?... Почему так мало мобильных, коротких гастролей, когда театр просто привозит в Москву один-два удачных спектакля. Увеличение малых гастролей в Москве давало бы возможность более полно ощутить картину нашей театральной жизни. Вопросы, вопросы...

Все больший разбег набирает новый театральный сезон. Скоро придет пора и ему подводить итоги. Как было бы хорошо, если все, что «наблел» в нашем театре за многие сезоны, больше не переходило в новые, получив действительное и эффективное решение.

Во имя нашего зрителя.
Алексей КАЗАНЦЕВ.